

СПОРЫ ВОКРУГ ПАЛОМНИЧЕСТВА НА СВЯТЫЕ МЕСТА СРЕДИ КЫРГЫЗСКИХ МУСУЛЬМАН

Айтпаева Гульнара

Доктор филологических наук (1996), доцент (2004). Старший преподаватель кафедры языков Американского университета в Кыргызстане (1996-1999), основатель и руководитель факультета Кыргызоведения в АУК (1999-2002), основатель и руководитель факультета культурной антропологии и археологии при Американском университете в Центральной Азии (2002-2005).

Основатель и директор культурно-исследовательского центра «Айгине» (2004).

*«Не следует пренебрегать этими интуициями, сохраняющими свежесть и живость ещё нетронутой действительности и видение, не искаженное теоретическими спекуляциями»
Клод Леви-Стросс¹*

Введение

Нередко, когда речь заходит о святых местах, возникает вопрос об их классификации. В самом деле, одна из кыргызских пословиц гласит: «Если просишь ребенка - иди на Манжылы-Ата, если просишь богатства – иди на Чолпон-Ата». Такого рода пословицы можно считать примером народной или, используя термин антропологии, эмической классификации. В основе этой классификации лежит основная функция (-и) места. Согласно приведенной пословице, в традиционном народном понимании каждое святое место обладает определенной функцией, т.е. воздействием на паломников. Однако наш опыт работы в Таласе и на Иссык-Куле показывает, что любое святое место не ограничивается какой-либо одной или несколькими функциями. На практике успех паломничества зависит от помыслов человека и его способности или возможности наладить связь с конкретным святым местом. Очевидно, что при определенных обстоятельствах в одном и том месте можно просить о семейном благополучии, здоровье, карьере и многом другом.

Другим классифицирующим принципом святых мест служит происхождение. По этому принципу святые места Иссык-Куля можно разделить на две группы: места естественного происхождения и построенные (созданные) человеком (6: С.16). Однако подавляющее большинство святых мест в Кыргызстане – смешанного происхождения. Яркий пример – крупнейший мазар южного берега Иссык-Куля Манжылы-Ата, здесь объектами паломничества являются и родники с деревьями, и старые захоронения.

Ещё один классифицирующий принцип – это время возникновения святых мест. Учитывая, что по истории святых мест Кыргызстана крайне мало письменных источников, о времени их возникновения можно говорить, лишь опираясь на устную историю. На основе устной истории, в свою очередь, можно выделять крупные временные блоки. С этой позиции святые места Кыргызстана делятся на мифологические или доисторические, исторические и современные. Обратимся ещё раз к примеру Манжылы-Ата: мы не нашли пока сведений о нем в письменных источниках. Согласно легендам, человек по имени Манжылы жил несколько тысяч лет назад. В отсутствии достоверного письменного источника и при существовании в народной памяти как очень древнего, место разумно отнести к мифологическому или доисторическому периоду. Вероятно, такие места, как Ак-Бака, Ак-Тайлак, Кочкор-Ата, Бугу-Эне также были названы в тот период, который ученые обозначают как мифологический.

Места, названные в честь той или иной личности, о которой существуют сведения в письменных источниках любого типа (книги, письма, фото, родословная) могут быть

¹ Из: Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: Изд. «Республика», 1994, 201.

определены как исторические. К такого типа святыням на Иссык-Куле, например, могут быть отнесены памятники, поставленные в честь «акелер»².

Места, открываемые или осознаваемые как святые в течение текущего времени, которое ещё не отошло в историю, называются современными. К этой группе можно отнести комплекс Ата-Бейит, расположенный в селе Таш-Дёбё близ Бишкека.

Ещё один классифицирующий признак – это тип собственности, в которой находится место. Большинство святых мест пока находятся в государственной собственности. Вместе с этим всё больше и больше святых мест переходят в частные или общинные владения³.

Однако, не взирая на классификацию по тому или иному признаку, святые места в Кыргызстане – живое средоточие духовной и религиозной жизни современного общества. *Кыргызчылык* как комплекс традиционных знаний и практик; *мусулманчылык* как комплекс верований и практик народного ислама стали предметом внимания КИЦ «Айгине» на святых местах в 2005-2008 годах, когда мы встречались и общались со многими паломниками. Выяснилось, что именно на святых местах и вокруг древней традиции паломничества идут острые и глубокие споры народа о том, какой ислам «должен» практиковаться в стране.

Академические традиции и реальность

Сложилась академическая традиция рассматривать существующий в Кыргызстане ислам как смешение традиционных доисламских и исламских верований (Поляков, 1989; Montgomery, 2007; Токтогулова, 2007). Можно сказать, что эта традиция уходит своими корнями в известное заключение Чокана Валиханова, который ещё в XIX веке заметил, что, не смотря на то, что кыргызы приняли ислам, они, по сути, сохранили свои прежние «языческие» верования. Позже Самуил Абрамзон (1: С.284-355) на основе многолетних полевых работ, и Батырбек Аманалиев (2: С.3-35, 43-60) на основе анализа философии кыргызов, также констатировали, что ислам у кыргызов продолжает уживаться с самыми первобытными суевериями и обычаями древности.

Однако, как замечает Натан Лайт, «в случае с кыргызской религией в двадцатом столетии как советские ученые, так и клерикальные власти, пытались разделить исламские и исконно традиционные практики, в то время как местные верующие люди были меньше всего озабочены такими делениями»⁴ («In the case of Kyrgyz religion, throughout the 20 century both Soviet scholars and clerical officials have attempted to distinguish Islamic and native practices, while popular practitioners have generally been less concerned with these divisions») (9: С.492).

Термин «народный ислам» возник уже давно, сейчас на западе всё чаще используется термин *everyday Islam* – «ежедневно практикуемый ислам». Два недавних антропологических исследования Марии Лоу (Дания)⁵ и Кристины Кехл-Бодгори (Германия)⁶, отчетливо показывают, что посещение святых мест и такие ритуалы, как *зыярат* (паломничество) и *курмандык* (жертвоприношение) являются неотъемлемой частью мусульманской религиозной практики в Узбекистане.

Наши полевые исследования трёх последних лет также выявили тот факт, что подавляющее большинство кыргызских паломников считают себя мусульманами. Вместе

² См. об *акелер* в третьей главе «Природная связь земли и народа» данной книги.

³ Другие классификации см.: Дыйканов Т., Саманчина Ж., 2004: С.151-152; Шукуров Э., 2004: С.7.

⁴ Здесь и далее в статье Айтпаевой Г. переводы с английского или кыргызского сделаны автором статьи – прим. ред.

⁵ Maria Elizabeth Louw. 2007. *Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia* [Бытовой ислам в пост-советской Центральной Азии]. London and New York.

⁶ Kristina Kehl-Bodgori. 2008. *Religion is not so strong here. Muslim religious Life in Khorezm after Socialism* [Религия не так сильна здесь. Мусульманская религиозная жизнь в Хорезме после социализма]. New Brunswick and London.

с тем в Кыргызстане, в частности, в Иссык-Кульской области более, в Таласе⁷ менее выражено существует так же критическое и негативное отношение к паломничеству на святые места.

То обстоятельство, что ислам является ведущей религией кыргызов, не вызывает споров ни у сторонников, ни у противников древней традиции паломничества. Споры и обсуждение вызывает вопрос, какой ислам «должен» практиковаться в стране. Говоря очень конкретно, на примере полевого опыта Айгине, тот ислам, который:

- включает поклонение святым местам или исключает,
- включает большое разнообразие ритуалов и духовных практик или ограничивается только практиками, описанными в Коране,
- позволяет использовать древние виды лечения или запрещает их как богохульские.

Главными экспертами в этом вопросе считают себя *молдо*⁸ (*муллы*). В качестве главных экспертов в этом вопросе их признает и большинство людей.

В настоящее время *молдолор*⁹ разного ранга и типа объединены в определенную систему. Муфтият является верховным органом в организационной структуре мусульман Кыргызстана. Согласно информации Рахматулло Эгембердиева, руководителя отдела мечетей и медресе при муфтияте, следующее звено этой структуры – казыят (от слова *казы*). В ведении муфтията находится девять казыятов: два городских и семь областных. В подчинении каждого городского и областного казыята находятся *рай хатибы*, имам хатибы. В каждом районе в зависимости от проживающего населения есть мечети, и в каждой мечети есть свой имам, *сопу* и их помощники.

В 2007 года КИЦ «Айгине» провело в Таласе, одной из северных областей страны, исследование «*Молдолор* как хранители и разрушители традиций», в котором использовались качественные и количественные методы. Вместе со студентами Таласского государственного университета мы проинтервьюировали 103 *молдо* в возрасте от 20 до 84 лет.

Рабочая гипотеза, легшая в основу данного проекта, сформировалась на основе изучения святых мест. Она заключалась в том, что а) в стране существует, как минимум, два типа *молдолор*, б) различие в их религиозном мировоззрении и поведении связано с отношением к традициям и обычаям.

Абсолютное большинство Таласских *молдолор* - 90.5% - уверено, что ислам является основной религией нашей страны, и государство должно поддерживать инициативу возведения мечетей (88.1%). Также абсолютное большинство наших респондентов - 84.5% - считает, что в Кыргызстане практикуется, безусловно, «правильный ислам». Последняя цифра в свете того факта, что сами *молдолор* не представляют собой монолитной группы единомышленников, выглядит не столько утверждающей, сколько тревожащей.

Понимание того, кто является носителем «правильного» или «неправильного» ислама зачастую связано со статусом *молдолор*.

Официальные и неофициальные статусы

Первые же полевые работы в Таласе показали, что деление *молдолор* на «официальных» и «неофициальных», отмеченное Поляковым в советское время (4: С.196), сохраняет свою силу в Кыргызстане.

⁷ Поскольку КИЦ «Айгине» пока работает только в этих двух областях, у нас нет соответствующих данных по остальным пяти областям страны.

^{8 8} Мулла (рус. заимствование из татар. восходит через перс. молла к араб. маула в значении «господин, повелитель, владыка»; в других иранских и тюркских языках слово имеет формы мелла, молло, молдо) – знаток мусульманского ритуала, служитель культа; учитель религиозной школы; грамотный ученый человек. // Ислам Энциклопедический словарь, М, 1991, стр. 170.

⁹ *Молдолор* – множ. число от *молдо* – прим. ред.

«Официальные *молдолор*» в Таласе - это те, кто имеет религиозное образование, подтвержденное документально. Из 103 человек 43 *молдо* имеют законченное исламское образование.

«Неофициальные *молдо*» – это те, которые прошли обучение у других авторитетных *молдо* и которых жители улицы, деревни, района (границы могут быть разными) называют «молдо» и признают за ними право исполнять определенные религиозные обязанности и ритуалы. Сейчас в Таласе действует 38 таких *молдо* и ещё 14 человек изучали основы ислама самостоятельно.

Многие «неофициальные *молдо*» подчеркивают, что они стали нести эту службу не по своей инициативе и решению. Алымкулов Исмаил, 79 лет, имам села Балбал Таласской района говорит:

Затем односельчане сказали мне, ты, оказывается, знаешь молитвы, будь нашим молдо. Я же тогда только из больницы вернулся и не знал обязанностей молдо, я отказывался и говорил, как я могу делать то, чего не знаю. Не смотря на мои слова, односельчане не согласились и сделали меня молдо, так я и стал молдо (Анан айылдагылар сен намаз окуйт турбайсызбы бизге молдо бол деп калышты. Мен болсо больницадан жабы келгем, анан молдонун жолун билбесем, кантип болом деп болбой койдум. Ошентсем такыр болбой, мени молдо кылып салышты, ошентип молдо болуп алдым¹⁰)

Эта ситуация назначения *молдо* народом по причине знания Корана и чтения молитв типична для кыргызской действительности. Характерна она, согласно исследованию Брюса Приватского¹¹, и для казахов.

В досоветское время грамотность, в том числе, религиозная, была редким явлением среди кыргызов. В советское время ситуация с общей грамотностью изменилась радикально – постепенно она стало массовой, но религиозное образование в силу идеологических причин массовым не стало. Поэтому и в досоветское, и в советское время люди, читавшие Коран и знавшие молитвы, «назначались» народом на должность *молдо*.

В настоящее время, когда ислам институционализирован и охватывает всю страну, сила и защищенность «официальных» *молдо* в том, что они уполномочены религиозной властью, а значит, легитимны. Уязвимость и незащищенность вторых в том, что за ними не стоит власть в лице муфтията. В советское время «неофициальные» *молдо* так же находились в очень уязвимой позиции. Однако колоссальный вклад именно этой группы служителей ислама справедливо подчеркнут в исследовании Полякова: «Эти люди, в большинстве своем не знающие ни догматики, ни канонизированной нормативной обрядности, ни молитв, очень хорошо обслуживают ислам на бытовом уровне. Они очень хорошо знают, что надо их обществу. Они сохраняют их ислам, состоящий из всего того, что устраивает их общество. Такой ислам стоит (и успешно) на страже и вышеописанных порядков и тех, речь о которых пойдет ниже. Без бытового ислама и незарегистрированных мулл парадные пятничные городские мечети были бы пусты, а полы в них были бы, в лучшем случае, выстланы рогожей, а не дорогими коврами как это сделано сейчас» (4: С.198).

Отметим, что *молдо* обоих статусов, а именно 86.9% респондентов считают, что выпускники высших религиозных учебных заведений обязательно демонстрируют высокие моральные качества. Подавляющее большинство – 91.7% *молдо* согласно в том,

¹⁰ Полевые записи // Архивы КИЦ «Айгине».

¹¹ Это близко к тому значению слово «молдо», которое Приватский наблюдал у казахов: «человек, который может читать Коран и приглашается делать это публично» («a man who can recite the Quran and invited to do so in public») (5: С.98).

что каждый кыргыз обязан соблюдать исламские религиозные обряды. Для содействия этому 88.1% опрошенных считает, что государство должно поддержать инициативу возведения мечетей в селах.

В свете этих «единодушных» данных важный вопрос относительно «официальных» и «неофициальных» *молдолор* заключается в том, есть ли принципиальные различия в их религиозном мировоззрении и поведении.

Молдочулук и кыргызчылык

Приобщение к исламу через странствия, болезни, равно как и определённые виды лечения с помощью сур из Корана, связка «устат – шакирт» (наставник-последователь), приверженность белой одежде и некоторые другие черты позволяют провести некоторую параллель между *молдочулук* - комплексом понятий и практик, связанных с деятельностью *молдо*, и *кыргызчылык*¹² – комплексом понятий и практик, основанных на народных представлениях и традициях.

В нашем вопроснике, в обоих его, качественном и количественном, блоках, была серия вопросов, нацеленных на выявление соотношения между исламом и народными верованиями.

Результаты ответов респондентов на этот блок вопросов высоко и значимо коррелируют между собой и составляют некий фактор, который может быть условно обозначен как «личностный». Возьмем, к примеру, авторитетного старейшину Таласа Сатылгына-молдо. Его позиция хорошо увязывается со стереотипным подходом, что это две взаимоисключающие сферы деятельности. Сатылган-молдо чётко разграничивает и оценивает эти сферы. В его толковании *кыргызчылык* – это грех и ошибка:

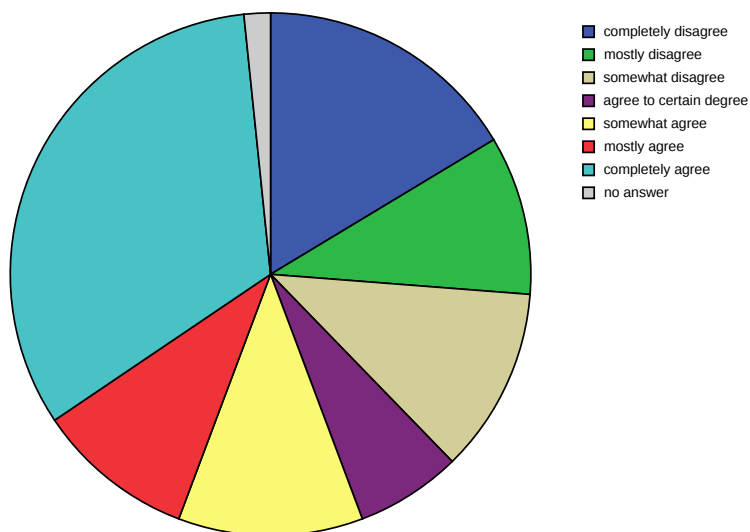
[Кыргызчылык - это ошибка. Сейчас ясновидящих называют носителями кыргызчылык, так не бывает. По шарияту их называют дубана, б=б=, бакшы. Ислам ненавидит кыргызчылык, он так же не любит дубана, бакшы. В Коране Всевышний говорит, что все гадалки, ясновидящие нарушают веру, так же как и те, кто им верит (Кыргызчылык деген ката. Азыр к\з= ачыктарды кыргызчылык дешет экен, андай с\з болбойт. Шарият боюнча дубана, бакшы, б== деп коет. Ислам кыргызчылыкты жек к\р\т, дубана, бакшыны да жаман к\р\т. Куранда Алла Таала т\лг\ тарткан, к\з= ачыктын баарын динден чыгып калат деп с=йл\йт, ага ишенген адамдар да)]¹³.

Очевидное неприятие традиционных верований и практик прослеживается во всех ответах Сатылгана-молдо. Однако эта позиция не является доминирующей в Таласе. Нижеприведенная схема, являющаяся сводной ответов на вопрос о том, являются ли ислам и народные верования одним и тем же, во время опросов в Таласской области, даёт интересную картину религиозного мировоззрения в исследуемой области.

¹² *Кыргызчылык* – многомерное понятие, имеющее исторический, политический, культурный, религиозный, духовный, бытовой и другие аспекты. В данном случае речь идет о религиозно-духовном аспекте.

¹³ Полевые записи // Архивы КИЦ «Айгине».

q26

Голубым цветом выделен ответ «абсолютно согласен» с тем, что ислам и народные верования есть одно и то же. Очевиден тот факт, что в сознании более трети *молдо* не существует принципиальных разграничений и противоречий между этими явлениями.

Эксперт «Айгине» по психологии и психиатрии Елена Молчанова объясняет этот факт как функционирование механизмов психологической защиты у респондентов: «Мы доказали, что они одновременно придерживаются традиционных верований и ислама, но совместить одно с другим можно только в том случае, если выработать у себя представление о том, что это – суть одно и то же. Получается, что более трети представителей мусульманской религии в Таласе считают, что язычество и ислам едины.... Это не неграмотность, иначе, как психологическим расщеплением и необходимостью защищать свою религиозную аутоидентификацию, эту находку объяснить сложно»¹⁴.

Такая интерпретация имеет смысл, если базироваться на стереотипном постулате об обязательном разграничении язычества и монотеизма. Но если этот постулат убрать, можно предположить, что более трети Таласских *молдо* являются носителями именно **такого ислама**, в котором синтезированы основные нормы мусульманской религии и традиционных кыргызских верований.

Нурлан, 46 лет, целитель (*табын*) – официальный *молдо* по формальным критериями, в 1996 году он получил документ о завершении учебы в Исламском институте города Бишкек. Но главным занятием жизни Нурлан считает целительство. В свое время он был среди самого первого потока студентов исламского института. Вскоре после поступления Нурлан оставил учебу ради целительства. Ислам и *кыргызчылык* в толковании Нурлана стремятся к одним и тем же целям:

Ислам дининде Мухаммед САВ акыркы пайгамбарлардан болуп эсептелет. Мен абдан кубанам ушул динге кирип жашап жатканым, анткени эъ эле башкысы ислам дини ыймандуулукка чакырат, экинчиден тарбиясы т=з болот, жамандыкка т=ртп\йт, нысантуулукка чакырат. Мындайча айтканда беш

¹⁴ Молчанова Е.С. Отчет по проекту «Арбактар менен суйлошуу» [Общение с духами] // Архивы КИЦ «Айгине»

маал намаз окуган адам эч качан кылмышкерликке барбайт. Кыргыз ушул жол менен келе жатат окшойт¹⁵. [В исламе пророк Мухаммед считается одним из последних пророков. Я очень рад, что принадлежу этой религии. Прежде всего, потому что ислам призывает к нравственности, во-вторых, проповедует правильное воспитание, не толкает к плохому, призывает к благочестию. Говоря иначе, человек пять раз в день совершающий намаз, никогда не пойдет на преступление. Кажется, кыргызы идут именно по этому пути].

Неофициальный молдо Сапан Кудайбергенов, 54 года, село Боотерек считает:

Кыргызчылык барып эле ислам динине такалабыз. Эмне себептен? Ислам дини биздин динибиз. Кыргызчылык кылып, таапчылык кылып элдерди к\рг\нд\ ал киши кудайдан сурай да дартына даба бере к\р эм т=ш=r\ к\р деп¹⁶. [Кыргызчылык взаимосвязан с исламом. По какой причине? Ислам – это наша религия. Когда табып [традиционный целитель] лечит людей, он обращается к богу и просит его помочь исцелить больного].

Таковы два индивидуальных «голоса» из многочисленной группы молдо, которые не видят принципиальных противоречий между молдочулук и кыргызчылык.

Наряду с «личностным фактором» так же выявлен «возрастной фактор», а именно значимая положительная корреляция ответов на эти вопросы с возрастом: чем старше молдо, тем более он склонен отвечать положительно на вопросы о связи молдочулук и кыргызчылык, тем терпимее он относится к традиционным верованиям.

Поколение и традиции

Водораздел между «чистым» и «нечистым», «правильным» и «неправильным» исламом, а, следовательно, между разными типами молдо лежит именно здесь – в отношении к традициям и правилам предков.

Больше половины информантов обозначает этот узел как наиболее конфликтогенный и связывает этот конфликт с возрастом. Насир молдо, 34 года, имам села Манас размышляет:

Ооба, муундар арасында анча чоъ эмес келишпестик бар. Биздин улуу молдолор кандай окугандыгына жараша, салттар менен =рп-адаттар шариятка киришти. Улуу молдолор бул \ъ=тт=ушундай т=ш=нд=r=ш\т. Алар кээ бирде азыркы молдолор жаъы, башка шариятты ойлоп чыгып жатышканын айткылары келгендей болушат. Эми алар эгерде биз исламды карманып, аны салттар менен бирге сактасак туура болмок деп эсептешет. Ал эми азыркы биздин =йр\н=n жаткандарыбыздан улам айтсак, бул туура эмес к\r=n=ш катары т=ш=нд=r=л\т¹⁷. [Да, между поколениями есть небольшие противоречия. Соответственно тому, как учили наши старшие молдолор, традиции и обычаи вошли в шарият. Старшие молдо так объясняют эту сторону. Они иногда как бы хотят сказать, что нынешние молдо выдумали новый, другой шарият. Ну, они полагают, что если бы мы придерживались и сохранили ислам с традициями, было бы правильно. Ну, а

¹⁵ Полевые записи // Архивы КИЦ «Айгине».

¹⁶ Полевые записи // Архивы КИЦ «Айгине».

¹⁷ Полевые записи // Архивы КИЦ «Айгине».

соответственно тому, что сейчас мы изучаем, это трактуется как неправильное явление. Обычаи и традиции не должны входить в шариат, не должны быть среди норм шариата].

Есть обычаи, которые вызывают большое единодушие среди *молдо*. В первую очередь, традиционный похоронный ритуал кыргызов, когда тело умершего предается земле на третий день после смерти и семья несет немалые материальные затраты, что подвергается открытой критике большинством *молдо*, с которыми мы работали. И возможно под давлением ислама, но в немалой степени – под давлением тяжелых социально-экономических условий жизни этот древний обряд медленно, но трансформируется.

Поклонения святым местам – это тот самый камень преткновения, на котором возникают самые острые разногласия между *молдо*. «Неофициальные» и некоторые «официальные *молдо*» трактуют паломничество как дело богоугодное и сами нередко возглавляют группы паломников. Это вызывает неодобрительное отношение и иногда агрессивное неприятие со стороны «официальных *молдо*», получивших образование преимущественно за рубежом, в Египте, Пакистане, Саудовской Аравии.

Однако при более детальном подходе выясняется, что здесь существует «золотая середина». Точнее говоря, существует тонкая грань между правильно и неправильно выполненным ритуалом паломничества. По мнению *молдо*, практикующих только в мечетях, посещение мазаров, сопровождающееся поклонением камням или родникам, превращается в *ширк*, или сотворение равных богу, т.е. в самый тяжкий грех в исламе.

В этой связи паломники-мусульмане, в частности, целительница Бюсада Момбекова или смотрительница святого места Чынар Терек Чачыкей утверждают, что они поклоняются не камням и роднику, но сотворившему их Аллаху.

Сатылган *молдо* учит четко разграничивать идею поклонения от идеи посещения мазаров (святых мест):

Шариатта мазарларга сыйынсын деген жок, бирок пайгамбардын хадисинде айтылган ошол арбактарга куран окуп коюш керек, анткени арбак т=рм\г\ т=шк\н кишидей, ага куран окусаъ т=рм\д\г= адамдарга оокат келгендей с=й=н=ш\т. Анан элдин тескери т=ш=нб\г\н жери бар, барат дагы кудай коюп, Манас атам колдой к\р десе болбойт. Арбак эч нерсе бере албайт. Анан пайгамбар жетпеген тилекти мазардан барып тиленсин дегени м=рз\д\н таза жер жок ошон =ч=н ошол жерге барып дуба кылып туруп, кудайдан сурансаъ берет деп пайгамбарыбыз айткан¹⁸. [В шариате нет идеи поклонения мазарам. Однако в хадисах пророка сказано, что духам нужно читать Коран, потому духи умерших можно сравнить с заключенными. Если им читаешь Коран, они радуются как заключенные, получившие передачу. Однако народ этого не понимает. Он приходит на мазары и, забыв о боге, обращается: «Дух отца нашего Манаса, помоги». Это недопустимо. Духи ничем помочь не могут. Пророк говорил, что о заветном желании можно просить на мазарах, потому что нет места чище, чем могила. Поэтому если прийти туда, помолиться и попросить бога, он поможет, учил пророк].

Грань между праведным паломничеством и совершением греха, действительно, тонка, если учесть силу культа предков и природы среди кыргызов. Поэтому большинство «официальных *молдо*» самым верным решением считает строгий запрет на посещение святых мест. Так происходит упрощение, и как следствие, радикализация «официального

¹⁸ Полевые записи // Архивы КИЦ «Айгине».

ислама». Так обозначаются «разломы», где обостряются взаимоотношения *молдо*. Если в целом «неофициальные *молдо*», где-то даже извиняясь, говорят о том, что они и «не *молдо* вовсе» (*молдо деле эмесмин*), что у них не было возможности учиться, что хорошо было бы усилить религиозное воспитание народа через молодых и грамотных коллег в селах, то на таком вопросе, как мазары их позиция становится твердой и неизменной. Иногда вступая, чаще избегая споров с *молдо* из мечетей, они продолжают практику посещения и лечения на святых местах.

Если взглянуть глубже, отмеченный выше «возрастной фактор» на самом деле имеет под собой образовательную почву. Он говорит не о конфликте поколений, но о разных образовательных нормах. По этой причине 76-летний Сатылган *молдо* не смотря на почтенный возраст, вполне может возглавить «поход» против *кыргызчылык* как проявления темноты и невежества. Он – единственный *молдо* из Таласа, который на протяжении многих лет ездил учиться в Ташкент к знаменитому Шакир уулу Алихану – арабу по происхождению, потомку Аали¹⁹ в 37 колене. Нет сомнения, четкое разделение «доисламского» и «исламского» получено им в годы упорного обучения, которое в определенном смысле можно назвать классическим и системным.

Возможно, отсутствие системного обучения исламу является одним из объяснений факта положительной корреляции на вопросы о соотношении ислама и народных верований среди старшего поколения *молдо*.

Факт отрицательной корреляции на вопросы о соотношении ислама и народных верований среди младшего поколения *молдо* получил подтверждение на ряде круглых столов, которые были проведены исследовательским центром Айгине в 2007 году в Таласе, Бишкеке и Караколе. Молодое поколение, обученное в стране и за границей, имеет четкие представления о «правильном» исламе, который исключает любые практики на святых местах.

Сосуществование разных «типов» мусульман

Институционализация и доступность религиозного образования в современном Кыргызстане способствовали, с одной стороны, значительному омоложению состава *молдо*, с другой, - формализации их практики. Такая практика ислама приходит в противоречие с определенными народными обычаями и традициями.

Хранителями и защитниками таких традиций являются другие *молдо*, которые убеждены, что *кыргызчылык* никоим образом не противоречит исламу, напротив, развивается с благословения Всевышнего.

В настоящее время официальная религиозная власть не имеет достаточных административных, финансовых и кадровых²⁰ ресурсов, чтобы унифицировать толкование

¹⁹ Аали – один из четырех друзей Муххамеда.

²⁰ В селах и провинциях не хватает образованных *молдолор*. Не хватает их по той же причине, по которой не хватает врачей, учителей и других специалистов. Молодежь предпочитает жить там, где есть возможность заработка и развития. Эту проблему хорошо понимают в муфтияте: «Айыл жерлерде биздин жаштар к\п жок, к\б= ушул борборго качып кетип калышып, ал жерде калышпай, ошол жергиликт== мечитте жамаатка имам болуш =ч=н, молдо болуш =ч=н бир киши керек. Анан к\пч=л=к учурда карыяларды коюшка биз мажбурбуз да. Бирок ошол кары болсо дагы ошол жергиликт== молдолордон окуп, мусулманчылыктын негиздегини билген, имамчылыкка, жума намазын \тк\р=шк\ немеси болгон имамдарды гана коёбуз да. Негизи биздин имамдар республика боюнча к\пч=л=г= ошол карыялар, 50% дебейм андан азыраак». [В селах мало молодежи. Большинство молодых людей сбегает в столицу. В сельских мечетях нужен человек, который бы возглавил сообщество, исполнял бы работу имама, молдо. И тогда в большинстве случаев мы вынуждены назначать старейшин. Но мы назначаем только тех, кто хоть и в возрасте, но обучался у местного молдо, знает основы ислама, способен возглавлять паству, проводить пятничный намаз. В большинстве своём наши имамы – это старые молдолор, я не говорю, что их 50 процентов, меньше] – из интервью с Рахматулло Егембердиевым, апрель 2007 года.

и практику ислама. Однако даже при наличии ресурсов действия такого рода вызвали бы сопротивление как минимум одной трети рядовых носителей ислама.

Все *молдо*, с которыми мы работали, - кыргызы, что для них автоматически означает мусульмане. В их самоидентификации этнический и религиозный компоненты слиты воедино. Слияние этнической и религиозной характеристик позволяет кыргызам ощущать себя причастными к огромному и влиятельному миру ислама, быть под его сенью и защитой.

Заключение

За каждым *молдо* в Таласе, как и по всей стране, стоят свои прихожане. Если из 103 опрошенных *молдо* 60 человек принадлежит к категории «неофициальных *молдо*», это в определенной степени означает, что, как минимум, более половины мусульман Таласа бесконфликтно соединяет древние традиции с исламскими нормами. При паломничестве на святые места сама разница между до-исламскими и исламскими понятиями стерта для них. По нашим наблюдениям, именно такой тип мусульманина наиболее типичен для данной области. Но «такие» мусульмане редко озвучивают и отстаивают свою позицию. Одна из причин этого, по мнению доктора Натана Лайта, заключается в том, что эти люди воспринимают ислам «как утвержденную, основанную на письменных нормах международную религию, и они не слышали о разнообразии мусульманских практик по всему миру. Заявления о том, что мусульмане должны делать, они часто воспринимают в качестве официальных правил» («because many people perceive Islam as a shared, scripturally-based international religion, and they do not hear about the diversity of Islamic practises throughout the world, they often accept as authoritative pronouncements about what all Muslims should do») (9: C.492).

Представители официального ислама (муфтият, казияты) рассматривают такой тип мусульман как «неправильный». На одном из круглых столов представители центральной мечети Бишкека подчеркнули, что *кыргызчылык* важен и интересен как факт ушедшей в прошлое истории, но сейчас он является признаком отсталости и необразованности.

«Неправильный кыргызский ислам», основанный на паломничестве, хранит в своей сердцевине связь с природой и древними духовными практиками. В этой связи можно говорить о «новых религиозностях», которые, по сведениям доктора Сигурда Бергмана, «возникают как внутри, так и за пределами больших мировых религий и характеризуются сильным акцентом на целостном восприятии природы, и они дружелюбно взаимодействуют с образами и традициями священного пространства» («New religiosities, as they emerge both inside and outside of traditional world religions, are characterised by a strong sense of a holistic emphases on nature, and they experiment frankly with imaginations and traditions of *sacred space*») (7: C.372).

Кыргызские мусульмане-паломники обычно утверждают, что поклонение Аллаху может проявляться в разных формах, и эти формы существуют только благодаря волеизъявлению Аллаха. Если мы попытаемся соотнести народное понимание с современными теологическими теориями, то теология природы Ниелса Хенрика Грегерсена может служить хорошим обоснованием: «Грегерсовская теология природы построена на идее бога как создателя творческого потенциала, и мы должны рассматривать естественное саморазвёртывание (саморазвитие) жизненных форм как выражение божественного творения» («Gregersen's theology of nature builds on the notion of God as "the Creator of creativity" and «we should see the natural self-unfolding of life forms as an expression of God's creativity») (11: C.8).

Большинство паломников-мусульман придерживаются «неправильного ислама» не в силу особых интеллектуальных исканий или веры в особую религию. Многие из них в свое время были в тяжелых жизненных обстоятельствах, и паломничество на святые места

стало тем самым духовно-религиозным актом, который позволил им выжить и устоять в этой жизни.

Независимо от классификации по тому или иному признаку, места, становящиеся для людей святыми, – это места, где жизнь и смерть, культура и природа, люди и другие живые организмы обретают гораздо более гармоничное сосуществование, чем где-либо.

Литература:

На русском языке:

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990.
2. Аманалиев Б. Из истории философской мысли кыргызского народа. – Фрунзе, 1963.
3. Дыйканов Т., Саманчина Ж. О работе по проекту «Святые места Кыргызстана». В кн.: Дыйканова Ч.К., Дыйканов Т.К., Саманчина Ж.Б. Святые места Кыргызстана. – Б., 2004.
4. Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. – М., 1989.
5. Шукуров Э. Святые места – наше бесценное наследие. В кн.: Зов предков. Природные святы места на Иссык-кульской биосферной территории. Ред. Дёмпке Ш., Мусина Д. - Б., 2004.

На английском языке:

6. Aitpaeva, G., Toktogulova, M., Egemberdieva, A. (eds.). 2007. *Mazar Worship in Kyrgyzstan: Rituals and Practitioners in Talas* [Паломничество в Кыргызстане: Таласский опыт]. Bishkek: Maxprint.
7. Bergman, S. 2007. 'Theology on its Spatial Turn: Space, Place and Built Environments Challenging and Changing the Images of God' [Теология в пространственном ракурсе: пространство, место и возникшая окружающая среда, которая испытывает и меняет образ Бога]. *Religious Compass* [Религиозный компас], 1/3.
8. Kehl-Bodgori, K. 2008. *Religion is not so strong here. Muslim religious Life in Khorezm after Socialism* [Религия не так сильна здесь. Мусульманская религиозная жизнь в Хорезме после социализма]. New Brunswick and London.
9. Light, N. 2007. 'Participation and Analysis in Studying Religion in Central Asia' [Участие и анализ в изучении религии в Центральной Азии] In: Aitpaeva, G., Toktogulova, M., Egemberdieva, A. (eds.). *Mazar Worship in Kyrgyzstan: Rituals and Practitioners in Talas*. Bishkek: Maxprint, pp.395-411.
10. Low, M. 2007. *Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia* [Бытовой ислам в пост-советской Центральной Азии]. London and New York.
11. Melin, A. 2008. *Biodiversity and Christian Ethics – A Critical Discussion* [Биоразнообразие и христианская этика – Полемика], paper presented at the inaugural conference of the European Forum for the Study of Religion and the Environment. University of Bamberg, Germany, 24–26th May.
12. Montgomery, D. 2007. 'The Transmission of Religious and Cultural Knowledge and Potentiality in Practice: An Anthropology of Social Navigation in the Kyrgyz Republic' [Передача религии и культурного знания и их потенциал на практике: антропология социального движения в Республике Кыргызстан]. In: *Religious Studies* [Изучение религий]. Boston: Boston University.
13. Privatsky, B. 2001. *Muslim Turkistan. Kazak Religion and Collective Memory* [Мусульманский Туркестан. Религия и коллективная память казахов]. Richmond, Surrey: Gurzon Press.
14. Toktogulova, M. 2007. 'Syncretism of Beliefs (*Kyrgyzchylyk* and *Musulmanchylyk*)' [Синкретизм в верованиях (*кыргызчылык* и *мусулманчылык*)] In: Aitpaeva, G.,

Toktogulova, M., Egemberdieva, A. (eds.). *Mazar Worship in Kyrgyzstan: Rituals and Practitioners in Talas*. Bishkek: Maxprint, pp. 507-518.